
ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

DEBATING ISSUES OF GENERAL HISTORY AND INTERNATIONAL RELATIONS

07.00.09

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ
И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES,
AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

DOI: 10.33693/2658-4654-2021-3-2-12-17

Историко-антропологические исследования брака и семьи на рубеже Средневековья и раннего Нового времени

©Т. И. Зайцева

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация
e-mail: zaytsevati@mail.ru

Аннотация. В рамках историко-антропологического направления в истории средних веков и раннего Нового времени одной из популярных тем является исследование брачно-семейных структур. Цель статьи – обозначить основные объекты интереса ученых в изучении брака и семьи на примере отдельной области – истории правящей элиты первой половины XVI века. В результате анализа публикаций немецких и французских историков 2000-х годов характеризуются следующие группы исследований – матримониальная политика, династия как форма существования правящей семьи, роль женщины в браке и семье, рождение потомства, положение вдов, наконец, связанные с брачно-семейной сферой девиации (неудачные браки и семейные драмы, практики насилия в семье).

Ключевые слова: историческая антропология, медиевистика, исследования брака и семьи, правящая элита.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Зайцева Т. И. Историко-антропологические исследования брака и семьи на рубеже Средневековья и раннего Нового времени // *История и современное мировоззрение*. 2021. Т. 3. №2. С. 12-17. DOI: 10.33693/2658-4654-2021-3-2-12-17

HISTORICAL AND ANTHROPOLOGICAL STUDIES OF MARRIAGE AND FAMILY AT THE TURN OF THE MIDDLE AGES AND EARLY MODERN TIMES

©Т. И. Zaytseva

Saint-Petersburg State University of Economics,
Saint Petersburg, Russian Federation
e-mail: zaytsevati@mail.ru

Abstract. One of the most popular topics in the framework of historical and anthropological trends in the history of the Middle Ages and Early Modern Times is the study of marriage and family structures. The purpose of this article is to determine the main objects of scientists' interest in the study of marriage and family on the example of the separate matter – history of the ruling elite of the first half of the XVI century. As a result of the analysis of publications of the modern German and French historians the following groups of research were identified – matrimonial policy, dynasty as a mode of the ruling family existence, role of the woman in marriage and family, the birth of issue, status of widows, and finally – deviations related to marriage and family field (unsuccessful marriages and family drama, cases of domestic violence).

Key words: historical anthropology, medieval studies, studies of marriage and family, the ruling elite.

FOR CITATION: Zaytseva T. I. HISTORICAL AND ANTHROPOLOGICAL STUDIES OF MARRIAGE AND FAMILY AT THE TURN OF THE MIDDLE AGES AND EARLY MODERN TIMES // *HISTORY AND MODERN PERSPECTIVES*. 2021. Vol. 3. №2. P. 12-17. (in Russ.) DOI: 10.33693/2658-4654-2021-3-2-12-17

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В рамках историко-антропологического направления в изучении средних веков и начала раннего Нового времени, сформировавшегося во второй половине XX столетия (1960-1980-е гг.), одной из популярных тем стало изучение семейных структур. Во Франции эти традиции связаны, прежде всего, с именем Ж. Дюби, в России – с Ю.Л. Бессмертным и Л.П. Репиной, в Германии – с К. Шмидтом.

Значение истории брака и семьи в развитии историко-антропологических исследований названной эпохи было отмечено в ряде публикаций начала XXI в. Так, в статье Ю.Л. Бессмертного «Путь медиевиста в СССР» сказано, что история семьи явилась основой для формирования в отечественной медиевистике микроисторических исследований, изучения казусов. [Бессмертный 2002: 248, 254-255]

Французский историк Ж. Даларен и его соавторы в статье «Различия полов» обнаруживают в исследованиях семьи и демографической истории истоки не только собственно исторической антропологии, но и сформировавшейся в ее рамках истории женщин. [Dalagun, Bohler, Klapisch-Zuber 2002: 564-565]

Л.П. Репина в разделе «Гендерная асимметрия в браке и семье» своей известной монографии «Женщины и мужчины

в истории» высказала мнение, что изучение двух названных институтов является самой представительной группой в гендерной историографии. [Репина 2002: 59]

В аналитических публикациях также была отмечена связь исследований брака и семьи и антропологически ориентированной «новой политической истории», изучения правящих элит.

В частности, французская исследовательница-медиевист К. Боне в статье «Направления политической истории во Франции» выделила в рамках этого научного направления в числе других популярных тем институт материнского регентства, а также брачные договоры и завещания. [Beaune 2002: 303-304]

Другие французские исследователи, Д. Летт и О. Маттеони, в статье «Принцы и принцессы в конце средних веков» отмечают, что на современном этапе изучение представителей правящей элиты означает обращение не только к истории княжеств или института двора; но и к структурам родства, семейным союзам, наследственным практикам. [Lett, Mattéoni 2005: 5]

Наконец, немецкий историк А. Бирер в статье «Прошлое, настоящее и будущее исследований дворов в средние века и начале Нового времени» упоминает в ряду других направлений придворных исследований историю семьи, отмечая,

что в рассматриваемую эпоху вопрос о практике господства ставился на уровне княжеского домохозяйства и его повседневной организации. Причем если первоначально эти исследования были сфокусированы преимущественно на экономических вопросах (снабжении двора); то позднее интерес ученых обратился непосредственно к жизнедеятельности правящих семей. [Bihrer 2008: 254, 261-262]

Цель данной статьи: обозначить основные направления в изучении брачно-семейных структур на примере отдельной области – истории правящей элиты начала XVI века (как рубежной для перехода от средних веков к раннему Новому времени эпохи). В качестве материала был использован ряд публикаций немецких и французских исследователей 2000-х годов – периода наиболее активного интереса историков к женской истории и проблемам гендера. В результате проведенного анализа оказалось возможным выделить ряд тем или групп исследований, постановок вопросов и вариантов их решения.

БРАЧНАЯ ПОЛИТИКА

Одной из наиболее популярных тем оказалась матримониальная политика. Брачные стратегии и их роль в установлении господства княжеских семейств на политической сцене Германии (в том числе, рассматриваемого нами периода) анализируются в статье Х. Вундер «Династия и обеспечение господства в раннее Новое время: гендер и пол». По мнению немецкой ученой, брачная сфера для правящей элиты была самым тесным образом переплетена со сферой публичной или политической. Исследовательница использует термин «Heiratspolitik», связывая ее с реализацией династии или княжеского дома во внешнем мире.

Осуществление т.н. «государственного» бракосочетания должно было приводить к созданию политических союзов, служить сохранению или увеличению территорий. Вновь входившие в семью княгини способствовали социальному формированию династии, ее политической стабилизации. Они приносили социальные связи, сети отношений, которыми располагали их родные семьи (т.н. «особенную пользу»), своей новой стране. [Wunder 2002: 16, 23]

Проблему взаимосвязи вступления в брак и функционирования монархии во Франции XVI и двух последующих веков затрагивает в своей публикации французская исследовательница Д. Гоудино (раздел «Политическая власть» монографии «Женщина во французском обществе 16-18 вв.»). Ученая отмечает, что только брачный союз с правителем позволял женщине становиться королевой Франции. Изучая отдельные составляющие бракосочетания (помолвку, свадебную церемонию), она также приходит к выводу, что заключение брака являлось формой международного договора, в котором женщины выступали в качестве элемента сделки между иностранными властями: речь идет о форме заключения или закрепления мира (хотя зачастую и иллюзорного) с родной страной новой королевы.

По мнению Гоудино, девушки из правящих семей составляли своего рода общеевропейский резерв, предназначенный для заключения дипломатически и политически целесообразных браков с иностранными князьями. Брачное соглашение в этой ситуации становилось официальным документом, обозначающим союз с чужеземной властью. [Godineau 2003: 83]

ПРАВЯЩИЙ ДОМ ИЛИ ИНСТИТУТ ДИНАСТИИ

Второй из популярных исследовательских тем в изучении семейных структур правящей элиты является институт династии. Так, Х. Вундер считает, что династия была характерной формой существования высшей знати и в Империи в целом, и в отдельных княжеских государствах Германии. Не случайно, эти государства часто определяются в научной литературе именно как династические.

Вундер полагает, что княжеский дом, весь связанный с ним образ жизни внушал уважение, являлся основанием власти и авторитета, понимался как носитель общественно значимых и редких качеств, которые должны были передаваться по наследству. Причем обретение этих качеств в значительной мере связывалось с женщинами, игравшими важную роль в политической и социальной стабилизации династии. От женщины в значительной мере зависело сохранение достойного имени рода. Посредством заключения того или иного брака как отдельный человек, так и его род в целом могли многое и выиграть, и потерять и в символическом, и в социальном плане. Не случайно при представлении было принято называть не только семью происхождения, но и ту, с которой был заключен брачный союз. [Wunder 2002: 23]

Другая немецкая ученая, К. Нольте, в статье ««Тело – высшее сокровище». О княжеской телесности, здоровье и жизнеобеспечении в перспективе семейной и повседневной истории» пишет, что династия из-за присущей ей преемственности и роли для формирования личной и групповой идентичности была «оптимизированной формой проявления семьи». По словам исследовательницы, династическая организация лежала в основе развития княжеского государства на пороге раннего Нового времени. [Nolte 2004: 50]

Во французской историографии также широко используются термины «континуитет династии», «династический режим» и пр. [Cosandey 2005: 6-7; Cassagnes-Brouquet, Klapisch-Zuber, Steinberg 2010: 40].

СТАТУС СУПРУГИ ПРАВИТЕЛЯ

Третий активно изучаемый в историографии сюжет касается форм супружеских отношений, точнее положения в них женщины. Х. Вундер пишет, что становясь женой правителя, княгиня приобретала определенную нишу в политическом пространстве страны, в которую переселялась. Вместе с мужем она принимала участие в целом ряде придворных церемоний и публичных мероприятий (свадьбах и погребениях, посещениях богослужений, паломничествах, поездках по стране, охоте), на которых правящая супружеская пара символически представляла как отец и мать своего народа, персонифицируя преемственность и континуитет правящей династии и одновременно правовой порядок взаимоотношений полов в рамках брака. [Wunder 2002: 15]

К. Вальш в статье «Княгиня между обязанностями репрезентации и политической ответственностью» также показывает, что князь и княгиня выступали как правящая пара, вокруг которой происходила организация придворной жизни. Еще со Средневековья женщины-правительницы осуществляли важные функции посредниц между семьями и консультантов в брачной политике, к которым в раннее Новое время прибавилась роль «матери страны». У правящей

пары существовало своеобразное разделение труда, в соответствии с которым супруга властителя могла иметь весьма высокое уважение при дворе. [Walsh 2004: 266, 275]

Французские исследовательницы Д. Годино и Ф. Козандей (последняя, в частности, в статье «Материнское могущество и политическая власть. Регентство королев-матери») проанализировали положение жены правителя Франции в системе придворного церемониала. В числе прочего, было показано, что если король при торжественном появлении презентировался как политический и военный лидер, то его жена – как королева мира и мать народа, его привилегированная заступница. Козандей отметила также, что поскольку основой отношения французской правительницы к власти было ее супружество с королем; то именно с этим были связаны церемонии, в которых задействовалась королева (и в которых они с королем выступали как супружеская пара). [Godineau 2003: 85; Cosandey 2005: 6]

РОЖДЕНИЕ ПОТОМСТВ

Четвертый сюжет в исследованиях брачно-семейных структур связан с проблемой деторождения. Так, Д. Годино пишет, что главной функцией королевской супруги во Франции было предоставление потомства – залога монархической и династической стабильности. Рождение дофина выступало гарантом сохранения внутреннего мира в государстве. Собственная позиция жены правителя становилась действительно прочной только с появлением у нее сына. [Godineau 2003: 83]

К. Нольте в своей статье обращается к практике демонстрации в ходе бракосочетания физического состояния немецких княгинь, которое считалось не только личным или семейным делом. Как было показано, публичное появление княжеской невесты становилось предметом официального обсуждения; по ее внешнему виду судили, ждет ли династию в будущем процветание. Исследовательница приводит пример с прибытием Елизаветы Гессенской в 1517 г. в Лейпциг (Майсенское маркграфство) на свадьбу с Иоганном Саксонским, когда окружающие отчетливо продемонстрировали недовольство внешностью новобрачной, не отвечающей, по их мнению, задачам обеспечения династии потомством. [Nolte 2004: 52, 78-79]

Рассматривая данную проблему, и Х. Вундер, и К. Нольте подчеркивают, что брак правителя не должен был оставаться бездетным, иначе в свете династической политики он воспринимался как неудачный. В связи с этим интимная жизнь княжеских пар становилась объектом внимательного наблюдения, особенно до тех пор, пока порядок наследования еще не был твердо гарантирован. До наступления беременности правительницы и рождения ею детей не прекращались коллективные молитвы по данному поводу.

Х. Вундер обращается к значению для политического положения княгини рождения детей мужского пола, только дочерей или полной бездетности. К. Нольте отмечает, что не только появление на свет наследника, но и общее число детей в княжеской среде (нередко бывшее весьма значительным) являлось вопросом чести семьи. [Wunder 2002: 23-24; Nolte 2004: 52, 81].

ВДОВСТВО И МАТЕРИНСКОЕ РЕГЕНТСТВО

Пятый из выделенных нами сюжетов касается роли, которую приобретала женщина-правительница по достижению жизненной стадии вдовства, когда она могла получить возможность принимать непосредственное участие в осуществлении власти.

Ж. Рогге во вводной статье к сборнику «Княгиня и князь. Семейные связи и деятельность высокородных женщин в Средневековье» пишет об особом положении женщин из императорской семьи Габсбургов, в начале XVI в. исполнявших обязанности штатгальтеров (наместников) Нидерландов, показав, что эту исключительную политическую позицию княгини получали именно благодаря их статусу вдов. [Rogge 2004: 17] К. Вальш в своей статье также обратилась к выполнению роли штатгальтера овдовевшей сестрой Карла V Марией Австрийской, отметив, что, несмотря на собственные религиозные взгляды, Мария выстраивала свою политику, в первую очередь исходя из семейных интересов габсбургской династии. [Walsh 2004: 267, 275-277]

Из числа территориальных немецких правительниц, выполнявших во вдовстве функции регентства, внимание ученых часто привлекает фигура Анны Гессенской (рег. 1514-1525). Так, П. Пуппель в статье «Борьба за попечительское регентство между вдовствующей ландграфиней Анной Гессенской и рыцарством» на ее примере рассматривает роль, которую сыграл институт материнского регентства («mütterliche Regentschaft») в усилении власти немецких князей. Как пишет историк, в фигуре этой правительницы воплотились общие закономерности государственного развития отдельных территорий – укрепление верховной княжеской власти и попытки местного дворянства противодействовать этому. Благодаря деятельности ландграфини и ее окружения, а также оказанной ей поддержке со стороны императора, тенденция к упрочению правящей династии восторжествовала. [Puppel 2004: 258, 261-262]

В силу достаточно широкой распространенности в Германии в рассматриваемую эпоху практики материнского регентства, ученые на основании отдельных сюжетов выводят ряд общих закономерностей. Так, Д. Фрайст (раздел «Гендерная история: политическое участие и господство») коллективной монографии «Раннее Новое время» отмечает, что эта практика имела особенно важное значение для небольших по размеру немецких княжеств. Х. Вундер пишет, что опека вдовы над наследником престола становилась надежным средством сохранения позиций династии после смерти правителя, поэтому пожилые князья в случае смерти жены стремились как можно скорее найти себе супругу молодого возраста – для того, чтобы она впоследствии, в случае необходимости, могла взять на себя опеку несовершеннолетнего наследника. [Freist 2000: 195-196; Wunder 2002: 25]

По мнению историков, во Франции в рассматриваемую эпоху материнское регентство также воплощало самую тесную связь семейных и государственных структур. (Такой точки зрения придерживается, например, немецкая исследовательница Г. Бок). [Bock 2005: 47]

Д. Годино отмечает, что, несмотря на произошедшее в позднее Средневековье узаконивание женской неспособности к управлению королевством (принятие французскими юристами так называемого Салического закона), оно нередко поручалось им во время малолетства наследника или

временного отсутствия короля. В частности, когда правитель собирался на войну, он сам выбирал, кто будет управлять страной в его отсутствие. Регентшей нередко становилась вдовствующая мать короля. Относительно первой половины XVI в. исследовательница ссылается на пример матери Франциска I Луизы Савойской, несколько раз официально исполнявшей регентские обязанности во время военных походов сына. [Godineau 2003: 86]

НЕУДАЧНЫЕ БРАКИ И СЕМЕЙНЫЕ ДРАМЫ

Наконец, помимо перечисленных основных элементов или этапов семейной жизни (вступление в брак и связанная с ним матримониальная политика, династия как форма существования правящей семьи, роль женщины в браке и семье, рождение потомства, положение и деятельность вдов), в медиэвистике и истории раннего Нового времени достаточно активно изучаются связанные с этой сферой девиации. В частности, речь идет о примерах неудачных браков и семейных драм, практиках насилия в семье.

Такие составляющие жизни правителей, как разводы, повторные браки, адюльтер, исследуются с точки зрения их политического значения. Так, один из популярных сюжетов связан с фигурой ландграфа Гессена Филиппа Великодушного. Лидер княжеской реформации, Филипп Гессенский в 1540 г. при наличии первой жены, заключил второй брак с придворной фрейлиной. Исследователи рассматривают данный казус в качестве эксперимента в период поиска новых семейных форм эпохи Реформации. Например, по мнению П.-И. Хайниха, высказанному в статье «Княжеский конкубинат: между нормой и девиацией», этот князь действовал под впечатлением от непримиримости Лютера к внебрачным связям, предложив в качестве способа искоренения разврата во всех сословиях идею двоеженства (бигамии). [Heinig 2006: 25-26]

К. Нольте в своей статье касается проблемы венерических заболеваний немецких правителей, изучая позицию по отношению к этому членов их семейств (в частности обращаясь к фигурам Анны Гессенской и ее супруга); ставит вопрос, не ограничивала ли эта болезнь саму возможность вступления в брак. [Nolte 2004: 68-71]

Практики полигамии правителей рассматриваются и на сравнительном материале. Так, Х. Вундер считает, что в отличие от Франции того же периода, в Германии первой половины XVI в. феномен придворного фаворитизма (когда наряду с супругой правителя в публичном пространстве двора находились его возлюбленные) еще не стала распространенной. Немецкая ученая отмечает, что случаи связи правителей с женщинами более низкого происхождения скорее могли привести к заключению морганатических браков, но даже при этом нередко влекли за собой тяжелые социальные последствия, вплоть до исключения из социального круга. [Wunder 2002: 18-19]

Проблему семейного насилия поднимает в уже неоднократно упомянутой статье «“Тело – высшее сокровище” ...» К. Нольте. Она проанализировала многочисленные данные о супружеских конфликтах в Германии на рубеже средних веков и раннего Нового времени, придя к выводу, что в семьях правителей встречалось рукоприкладство, причем иногда связанные с ним ситуации оценивались современниками как весьма опасные.

Один из сюжетов, к которым обращается Нольте, касается Елизаветы (1451-1524), дочери курфюрста Альбрехта Бранденбург-Ансбахского, которой в письмах давал ей советы, как справиться с агрессивной мужем (графа Вюртемберга Эберхарта Молодого). Позднее братья Елизаветы, в ответ на ее призыв о помощи в ситуации новых нападков со стороны супруга (в частности, он держал ее запертой в кухне и подвале) увезли сестру из Вюртемберга. [Nolte 2004: 86-87]

Однако, как было показано, в источниках встречаются примеры противоположного плана. Так, исследовательница приводит историю герцога Брауншвейгского, жена которого Екатерина Померанская (ок. 1465-1526) оказалась физически крупнее его. Екатерина смогла дать отпор пытавшемуся ее бить супругу, и он был вынужден капитулировать. Исследовательница даже проводит аналогию с героиней раннесредневековой «Песни о Нибелунгах» Брунгильдой. [Nolte 2004: 46-47]

ВЫВОД

Таким образом, развернувшееся со второй половины XX столетия развитие исторической антропологии как новой исследовательской парадигмы оказало сильное воздействие на изучение переходного от средних веков к раннему Новому времени периода. Одним из следствий этого стала пришедшая на начало XXI века активизация исследований брачно-семейных структур названной эпохи. В случае с политической историей и изучением правящих элит, эта проблематика, ранее находившаяся на периферии научного интереса, превратилась для ряда ученых в один из главных объектов внимания.

Аргументами в пользу данного утверждения на наш взгляд могут служить не только перечисляемые в статье группы исследований (касающиеся брачной политики правящих домов, гендерных аспектов института династии, политического и социального статуса супруги и вдовы правителя, наконец, различного рода девиаций в брачно-семейной сфере), но и содержащиеся в заголовках и непосредственно в текстах приведенных научных публикаций ключевые слова, в качестве которых выступают для немецкой историографии семья и семейная история, родственные связи и супружеские дела, вдовство и вдовы, династия и княжеский конкубинат; для французских ученых – королева-мать и материнское могущество, матримониальная политика и династический континуитет.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Beaune C. Les orientations de l'histoire politique en France // Les tendances actuelles de l'histoire du Moyen Âge en France et en Allemagne. P.: Publications de la Sorbonne, 2002. P. 303-305.
2. Bihrer A. Curia non sufficit. Vergangene, aktuelle und zukünftige Wege der Erforschung von Höfen im Mittelalter und in der Frühen Neuzeit. // Zeitschrift für historische Forschung. 2008. № 2 (35). S. 235-272.
3. Bock G. Macht der Väter, Macht der Männer, Macht der Frauen. // Bock G. Frauen in der europäischen Geschichte. Vom Mittelalter bis zur Gegenwart. München: Beck, 2005. S. 46-52.
4. Cassagnes-Brouquet S., Klapisch-Zuber Ch., Steinberg S. Sur les traces de Joan Kelly. Pouvoir, amour et courtoisie (XIIe-XVIe siècles). // Clio. Histoire, femmes et sociétés. № 32. Relectures. 2010. P. 18-52. [En ligne] – URL: <http://clio.revues.org/9804>. (Дата обращения 20.01.2021)
5. Cosandey F. Puissance maternelle et pouvoir politique. La régence des reines mères. // Clio. Femmes, genre, histoire. № 21. 2005. Maternités. P. 1-13. [En ligne] – URL: <http://clio.revues.org/1447>. (Дата обращения 20.01.2021)
6. Dalarun J., Bohler D., Klapisch-Zuber Ch. La différence des sexes. // Les tendances actuelles de l'histoire du Moyen Âge en France et en Allemagne. P.: Publications de la Sorbonne, 2002. P. 561-582.
7. Freist D. Geschlechtergeschichte: Politische Partizipation und Herrschaft. // Frühe Neuzeit. München: Oldenburg, 2000. S. 193–196.
8. Godineau D. Le pouvoir politique. // Godineau D. Les femmes dans la société française 16e–18e siècle. P.: Armand Colin, 2003. P. 82–89.
9. Heinig P.-J. Fürstenkonkubinaten um 1500 zwischen Usus und Devianz // «... wir wollen der Liebe Raum geben». Konkubinate geistlicher und weltlicher Fürsten um 1500. Göttingen: Wallstein, 2006. S. 11-37.
10. Lett D., Mattéoni O. Princes et princesses à la fin du Moyen Âge. // Médiévaux. № 48. 2005. P. 1-8. [En ligne] – URL: <http://medievaux.revues.org/832>. (Дата обращения 20.01.2021)
11. Nolte G. der Leib der hohst schatz – Zur fürstliche Körperlichkeit, Gesunderhaltung und Lebenssicherung (1450–1550). Familien- und alltagsgeschichtliche Perspektiven. // Fürstin und Fürst. Familienbeziehungen und Handlungsmöglichkeiten von hochadeligen Frauen im Mittelalter. Ostfildern: Thorbecke, 2004. S. 45–92.
12. Puppel P. Der Kampf um die vormundschaftliche Regentschaft zwischen Landgräfinwitwe Anna von Hessen und der hessischen Ritterschaft (1509/1514 – 1518). // Fürstin und Fürst. Familienbeziehungen und Handlungsmöglichkeiten von hochadeligen Frauen im Mittelalter. Ostfildern: Thorbecke, 2004. S. 247-263.
13. Rogge J. Einleitung. // Fürstin und Fürst. Familienbeziehungen und Handlungsmöglichkeiten von hochadeligen Frauen im Mittelalter. Ostfildern: Thorbecke, 2004. S. 9-18.
14. Walsh C. Die Fürstin an der Zeitenwende zwischen Repräsentationsverpflichtung und politischer Verantwortung. // Fürstin und Fürst. Familienbeziehungen und Handlungsmöglichkeiten von hochadeligen Frauen im Mittelalter. Ostfildern: Thorbecke, 2004. S. 265–279.
15. Wunder H. Dynastie und Herrschaftssicherung: Geschlechter und Geschlecht. // Dynastie und Herrschaftssicherung in der Frühen Neuzeit: Geschlechter und Geschlecht. Berlin: Duncker und Humblot, 2002. S. 9–27.
16. Бессмертный Ю.Л. Пути медиевиста в СССР. // Французский ежегодник. 2002. М.: Наука, 2002. С. 247-271.
17. Репина Л.П. Гендерная асимметрия в браке и семье. // Репина Л.П. Женщины и мужчины в истории: новая картина исторического прошлого. Очерки. Хрестоматия. М.: РОССПЭН, 2002. С. 59-71.

REFERENCES:

1. Beaune C. Les orientations de l'histoire politique en France // Les tendances actuelles de l'histoire du Moyen Âge en France et en Allemagne. P.: Publications de la Sorbonne, 2002. P. 303-305.
2. Bihrer A. Curia non sufficit. Vergangene, aktuelle und zukünftige Wege der Erforschung von Höfen im Mittelalter und in der Frühen Neuzeit. // Zeitschrift für historische Forschung. 2008. № 2 (35). S. 235-272.
3. Bock G. Macht der Väter, Macht der Männer, Macht der Frauen. // Bock G. Frauen in der europäischen Geschichte. Vom Mittelalter bis zur Gegenwart. München: Beck, 2005. S. 46-52.
4. Cassagnes-Brouquet S., Klapisch-Zuber Ch., Steinberg S. Sur les traces de Joan Kelly. Pouvoir, amour et courtoisie (XIIe-XVIe siècles). // Clio. Histoire, femmes et sociétés. № 32. Relectures. 2010. P. 18-52. [En ligne] – URL: <http://clio.revues.org/9804>.
5. Cosandey F. Puissance maternelle et pouvoir politique. La régence des reines mères. // Clio. Femmes, genre, histoire. № 21. 2005. Maternités. P. 1-13. [En ligne] – URL: <http://clio.revues.org/1447>.
6. Dalarun J., Bohler D., Klapisch-Zuber Ch. La différence des sexes. // Les tendances actuelles de l'histoire du Moyen Âge en France et en Allemagne. P.: Publications de la Sorbonne, 2002. P. 561-582.
7. Freist D. Geschlechtergeschichte: Politische Partizipation und Herrschaft. // Frühe Neuzeit. München: Oldenburg, 2000. S. 193–196.
8. Godineau D. Le pouvoir politique. // Godineau D. Les femmes dans la société française 16e–18e siècle. P.: Armand Colin, 2003. P. 82–89.
9. Heinig P.-J. Fürstenkonkubinaten um 1500 zwischen Usus und Devianz // «... wir wollen der Liebe Raum geben». Konkubinate geistlicher und weltlicher Fürsten um 1500. Göttingen: Wallstein, 2006. S. 11-37.
10. Lett D., Mattéoni O. Princes et princesses à la fin du Moyen Âge. // Médiévaux. – № 48. 2005. – P. 1-8. [En ligne] – URL: <http://medievaux.revues.org/832>
11. Nolte G. der Leib der hohst schatz – Zur fürstliche Körperlichkeit, Gesunderhaltung und Lebenssicherung (1450–1550). Familien- und alltagsgeschichtliche Perspektiven. // Fürstin und Fürst. Familienbeziehungen und Handlungsmöglichkeiten von hochadeligen Frauen im Mittelalter. – Ostfildern: Thorbecke, 2004. S. 45–92.
12. Puppel P. Der Kampf um die vormundschaftliche Regentschaft zwischen Landgräfinwitwe Anna von Hessen und der hessischen Ritterschaft (1509/1514 – 1518). // Fürstin und Fürst. Familienbeziehungen und Handlungsmöglichkeiten von hochadeligen Frauen im Mittelalter. Ostfildern: Thorbecke, 2004. S. 247-263.
13. Rogge J. Einleitung. // Fürstin und Fürst. Familienbeziehungen und Handlungsmöglichkeiten von hochadeligen Frauen im Mittelalter. Ostfildern: Thorbecke, 2004. S. 9-18.
14. Walsh C. Die Fürstin an der Zeitenwende zwischen Repräsentationsverpflichtung und politischer Verantwortung. // Fürstin und Fürst. Familienbeziehungen und Handlungsmöglichkeiten von hochadeligen Frauen im Mittelalter. Ostfildern: Thorbecke, 2004. S. 265–279.
15. Wunder H. Dynastie und Herrschaftssicherung: Geschlechter und Geschlecht. // Dynastie und Herrschaftssicherung in der Frühen Neuzeit: Geschlechter und Geschlecht. Berlin: Duncker und Humblot, 2002. S. 9–27.
16. Bessmertny Yu.L. Puti medievista v SSSR. [The way of a Medievalist in the USSR] // Frantsuzskiy ezhegodnik. [Annual of French Studies]. 2002. M.: Nauka, 2002. S. 247-271. (in Russian)
17. Repina L.P. Gendernaya asimmetriya v brake i sem'e. [The gender asymmetry in marriage and family] // Repina L.P. Zhenshchiny i muzhchiny v istorii: novaya kartina istoricheskogo proshlogo. Ocherki. Khrestomatiya. [Women and men in history: new picture of the historical past. Essays. Reader] M.: ROSSPEN, 2002. S. 59-71. (in Russian)

Статья проверена программой «Антиплагиат». Оригинальность – 81,55%.

Статья поступила в редакцию 02.02.2021, принята к публикации 22.02.2021

The article was received on 02.02.2021, accepted for publication 22.02.2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Зайцева Татьяна Игоревна, кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация, РИНЦ Author ID 324397, e-mail: zaytsevati@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Tatiana I. Zaytseva, Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor, Saint-Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation, РИНЦ Author ID 324397, e-mail: zaytsevati@mail.ru